

НАША СТРАНА

36-ой год издания, Буэнос Айрес, суббота 24-го марта 1984 г.

"NUESTRO PAIS"

Buenos Aires, sabado 24 de marzo de 1984 No. 1756

МЫСЛИ В СЛУХ

Ген. ХОЛЬМСТОН

Мысли о войне

СУЩНОСТЬ РУССКОГО ВОЕННОГО ИСКУССТВА

Идея служебной верховной власти, не представляющей народ, но служащей народу во имя высших духовных идеалов этого народа, которые она символизирует и олицетворяет, является настоящей полной монархической идеей. Ни персидская монархия (чьё оправдание так хорошо описано в *Истории Геродота, в споре Отаны, Мегабаза и Дария*), ни восточные монархии, ни римская империя до св. Константина, не были полноценными монархиями, так как они не выводили сознательно и публично (а значит и юридически формально и конкретно) своего существования из представительства трансцендентных духовных начал. Основное начало, на котором зиждется верховная власть в государстве, истекает из соборных верований населения этого государства. Полная монархия, таким образом, является не только "единовластием", но и "единоначалием", в согласии с буквальным значением этого слова.

Эта идея "единоначалия" в виде православной монархии, после ее кристаллизации в Византии, вскоре, во времена Юстиниана, была дополнена идеей симфонии между государством и церковью.

Идея народного представительства для участия в управительной власти созрела в Москве в середине 16-го века не для оправдания абсолютной власти и не для создания фикции, что народ обладает верховной властью, а для самоуправления снизу, а через это самоуправление снизу и для контроля до самого верха всех управительных властей, без посягательства на верховную власть. При таком самоуправлении и контроле нет необходимости четко разграничивать управительную власть на законодательную, судебную и исполнительную, как это сто лет спустя было предложено Монтескье, с целью достижения контроля между отдельными отраслями властей путем системы "противовесов".

В наши дни, для нашей страны, можно выдвинуть еще следующую идею: использовать научный и технический прогресс, для того чтобы создать систему постоянного народного участия в принятии или отвержении известных законодательных проектов, разрабатываемых новым "Советом всей земли", состоящим из отобранных из народа и народом лучших людей России. Современная электронная техника и информатика смогут, таким образом, возродить древний идеал "совместного стояния на одной площади всех граждан", но при сохранении надплощадной (т. е. надпартийной, надсословной, надклассовой и вообще надгрупповой) верховной власти, которая временно даже может быть чисто принципиальной, в ожидании полного возрождения России.

И. А.

Только та страна сильна, которая свято чтит заветы своей старины.

Для тебя, русская молодежь, предназначен этот краткий очерк. Сохрани его в своей памяти.

Русский солдат, как боевой материал — превосходен. Это он наглядно доказал во всех войнах, не исключая последней мировой. И прав русский народ, когда верит в свое историческое будущее. Кровью написаны наши скрижали, но ведь кровь — эссенция жизни, будь то отдельного индивидуума, будь то коллектива нации.

Сущность военного искусства интернациональна, как интернациональна каждая наука. А философия войны стара, как старая история мира. Совершенно иначе, однако, обстоит дело с чисто военной доктриной. Правда она также разработана на основах вековой философии, но базируется на исторической психологии нации, на ее индивидуальном характере, географическом положении и на степени развития ее экономики. Поэтому военная доктрина государства, является сугубо национальной наукой. Она олицетворяет дух нации и отражается в военных уставах, в дисциплине, в формах тактической организации вооруженных сил и даже в покроях мундиров. Не желая запутывать читателя понятиями военной терминологии скажем кратко, что современная военная наука в трех степенях, выражает сущность своих дисциплин — как теорию, так и прикладную практику методов действия.

Высшей степенью военной науки является стратегия. Государственная стратегия, которая выдвигает идею кампании, т. е. указывает цель войны. Стратегия соотносит эту цель с историческими стремлениями нации, с ее политическими возможностями, с силою потенциального противника, со своим геополитическим положением, и, конечно, с имеющимися экономическими ресурсами. Принимается во внимание сеть путей сообщения, география будущего театра военных действий, характер плацдарма, — концентрации войск для предполагаемых оперативных маневров.

Правильно понятые законы стратегии возвышают нацию, усиливают ее историческую динамику и нация выявляет свое историческое лицо. Она говорит свое веское слово, слово присужденное ей роком — общим ходом мировой истории. Ложная же стратегия втягивает нацию в непосильные для нее войны. Эти войны обезкровят нацию и, как политический результат, выведут ее из строя великих держав. Нам, европейцам, за примерами далеко ходить не приходится. В планах государственной стратегии должно быть принципиально предусмотрено не только выиграть войну, но и последующий за

ней мир. История знает много примеров, когда после победоносной войны, приходит позорный мир. "Так проходит слава мира", сказал великий римский полководец. Рим разгромил Карфаген, но мир принес ему морально-политический развал.

Ложная государственная стратегия — это исторический смертный приговор государственной жизни нации.

Последующая степень военной науки, это святая святых генштабистов — оперативное искусство. Оно учит как надлежит оперативно планировать и сделать расчет так, чтобы на театре военных действий, при полной экономии сил, выиграть генеральное сражение или, смотря по обстоятельствам, цепь сражений, вытекающих одно из другого и порожденных логикой боевой обстановки. Оперативная наука изучает теорию переброски крупных войсковых соединений, концентрации в операционных направлениях и подвод войсковых масс к полям будущих сражений. Основная мысль: везде, всегда и во всем — обеспечить за собой свободу военных действий. Не выпускать из рук боевую инициативу. Господствовать над волею неприятеля.

Третья степень военной науки — тактика. Низшая, но по своей сущности очень важная, она изучает как теорию, так и практику ведения боя. Построение войск, ход сражения, использование успеха или, в случае поражения, искусный выход из такового.

Краткое резюме. Стратегия учит как выиграть огневую кампанию, во всей ее многосторонности. Оперативное искусство — как надо планировать и маневрировать, чтобы добиться успеха непосредственно на полях сражений. Тактика учит как выиграть бой.

Здесь необходимо ясно подчеркнуть, что дисциплины, исходящие из единой сущности военной философии, часто взаимно "переплетаются" между собою, т. е. отражаются одновременно как в теории, стратегии, так и в оперативике или, в уставах тактики.

Наш исторический почин: глазомер, быстрота и натиск (из суворовской "науки побеждать"). И дальше (тот же Суворов): иди на противника в самом страшном для него боевом направлении. Многосложность, это потеря времени. Противник примет соответствующие меры.

Румянцев: Нападающий до самого конца стремится атакой достигнуть победы, а обороняющийся со страхом ждет последующего удара врага.

Петр Первый: Не забывайте ратного дела, науки наступления, дабы не уготовать России — судьбы дряхлой Византийской империи.

Екатерина Вторая: Война есть

явление законное, неизбежное, но к которому надо прибегать в исторической крайности. Хочешь мира, готовься к войне, учили в древнем Риме.

Скобелев: Самые лучшие стратегические комбинации не приводят к успеху, если войска не обучены и морально не подготовлены. И наоборот, идеальная муштра, доблесть солдата, не дадут победы, без надлежащего военного руководства.

Характерные черты современного сражения это — громадная сила огня, дальность поражения оружия, как классического, так и атомно-ракетного; колоссальная численность мобилизованных масс; понижение моральных качеств солдата; огромная сложность техники управления: раньше полководец вел войска в бой, теперь он ими командует. Связь между частями осложнилась. Старое чувство "локтя" потеряно. Надо полностью освоить современную технику связи, радарно-электронную. Могущество огня переформировало тактику ведения боя, формы боевого построения, но не изменило сущность, принцип боя.

К сожалению, тактика дня слишком много уделяет внимания материальной части огневого боя, забыв закон *главенства духа*. А ведь современный бой — больше чем когда либо — представляет собою величайшую психологическую драму в душе солдата. В его душе идет постоянная борьба двух стремлений: положительного, — ведущего его к победе, и отрицательного, — вытекающего из инстинкта самосохранения.

Американский принцип — давить противника нагроможденной техникой — уже устарел. Что было возможно на полях Вьетнама, то совершенно неприемлемо в Европе. Цель боя, конечно, в его результате: уничтожение живой силы противника. Сколько убит? Так может думать тактика. Но в оперативном искусстве нельзя военное мышление ограничивать принципом *search and kill* (найди и убей). Здесь надо базироваться на полном веере разнообразия средств. Средств подавления воли противника, его морали, его политическо-административного аппарата, путей сообщения и его экономическо-промышленного богатства. Сегодня судьба вооруженного столкновения не решается исключительно на полях сражений, но в подавляющей степени зависит от тыла. И вот почему подготовка огневой кампании не ограничивается трудами военного министерства, а является государственной задачей всего правительства. Следует отметить, что одно знание теории военного дела, не дает гарантии победы. Надо уметь эту теорию практически проводить в жизнь. Это умение и есть главная задача мирного обучения. Наука не заменяет опыт, но подсказывает правильное

решение, ограждает от грубых ошибок и воспитывает решительность воли.

Подготовка офицерского состава сложна. Офицер обязан не только иметь знание, но и совершенно *самостоятельно* разбираться в каждой тактической ситуации. Принимать решение, согласуя его с соседями и с директивами штаба. Правильное использование силы огня — далеко не все. Маневр — это важнейший фактор сражения. Движение вперед. А если наступление "захлебнулось" или общая обстановка сложилась иначе, то отход, это тоже искусный маневр, по приказу, в полном боевом порядке, а не произвольно, самотеком. Инициатива остается в своих руках. Сохранено господство воли. Генералу, больше чем другому, необходимо *непрерывное* военное образование. Лучше всего — чтение истории войн. Все великие полководцы этому знанию обязаны своей славой.

Современные поля сражений опустели. Тактические соединения крайне рассеялись. Огонь расчищает дорогу нападающему, но одновременно дает большие возможности обороне, которая цепляясь за местность, или искусственно построенные укрепления, тормозит продвижение, постепенно сводя его к нулю. Надо знать, что рельеф каждой местности, может быть силой обороны. И вот почему бой, это борьба за местность, которую преодолевает продвижение вперед. География враг девиза — "порыв не терпит перерыва". Опять же вспомним суворовский лозунг — быстрота, глазомер и натиск. Наступления панцирных, моторизованных дивизий определяются скоротечностью самого боя и глубиной тактического прорыва. Это конница минувших веков. Неизменно меняющаяся боевая обстановка не должна влиять на волю командования. Оно должно не терять из виду *основную идею* завязавшегося сражения или предпринятой оперативной операции.

Перемена группировки, эластичность маневра, выдвижение резерва, все это должно оставаться внешним выражением: *постоянства*, разработанного сперативного или тактического плана боя.

Для успеха в сражении, необходимо, в решительный момент и на решающем направлении, сосредоточить численное или огневое превосходство сил. Это — аксиома каждого оперативного расчета и планирования. Нормально, оперативное искусство считает, что для успешного прорыва необходимо тройное превосходства сил. Советский генштаб войск Варшавского Пакта, принимая во внимание европейский театр военных действий, глубину его обороны, рекомендует соотношение сил один к шести... что мы и наблюдаем между Варшавским Пактом и НАТО.

Мы вычисляем военно-политическое положение на основании данных разведки. Разведка — это глаза и уши каждой военной инстанции. Стратегическая — это глубокая и всесторонняя разведка для планирования кампании. Оперативная — дает базу для оперативного расчета. А разведка ближняя — это тактическая, определяющая планы предстоящего сражения. Разведка — это уже некоторая гарантия успеха в предпринимаемых военных действиях в каждом прорыве, или маневре. Следует помнить, что каждый обходящий противника или выходящий в тыл, рискует сам быть обойденным. Важное положение в разведке: донесения должны быть поданы вовремя и содержать чистую правду. В противоположном случае — они вредны и могут быть причиной страшной катастрофы.

Вопрос резервов — один из самых чувствительных военной науки. Резервы — от тактики до стратегии — должны обеспечить все предпринимаемые маневры, помочь сохранить за собою инициативу, эвентуально дать возможность парировать все контр-

маневры противника. И здесь Суворов говорит совершенно ясно: *Идешь в бой, обеспечивай себя, умножай по дороге войска, опорожняй посты и снимай коммуникации.*

Рецепт умелого преследования разбитого врага, красной нитью проходит через все изречения великих полководцев. Суворов: "мало победить, надо еще истребить. Недорубленный лес опять вырастает". Кутузов: "преследовать француза до изнеможения". Наши наиболее яркие примеры тактического преследования — Куликово поле, Полтава, Измаил, Третьяк. Оперативный вид преследования в стратегических размерах — от Москвы до Березины. В советскую историческую эпоху — фактически, от Сталинграда до Берлина.

Основа правильной организации войск, это наличие *всех* необходимых родов оружия. Продуманная законченность в смысле создания *самостоятельных*, нерушимых в своей целостности, тактических единиц: батальон, полк, дивизия и корпус, для ведения тактического боя. Армия или группа армии (у советов — фронт) — элементы крупных войсковых операций. Вся совокупность вооруженных сил — это военное могущество государства, решающее ход истории нации. Все организуется *по закону* строгой удобоуправляемости. И все это у нас исторически существовало в славную эпоху Екатерины Второй. Румянцев, Потемкин, Суворов и их достойные ученики наводили страх на противника. *А страх на войне, это самый опасный советник.* "Кто напуган, тот наполовину побит" (Румянцев). "Дрожите халатники, перед русской белой рубашкой" (Скобелев, во времена покорения безводных пустынь Туркестана). "Иду на вы", извещал Святослав.

Но несмотря на дисциплину, на жестокий закал обучения, русский солдат воспитывался на морали милосердия. И как наиболее яркий при-

мер этому, служит поучение великого Суворова: "Сопротивляется враг — коли. Сдается на милость победителя — бери в плен, *щадя*. И с мирным населением не воюй". Ничего яснее сказать нельзя.

Изучение истории военного искусства, как в России, так и за границей, нам показывает, что мы редко уступали в нем, как европейцам, так и азиатам. Ведь почти за сто лет до Аустерлица, мы имели блестящую Полтаву. За 10 лет до Ваграма, мы показали искусство Нови. А за поход Наполеона в Москву, Кутузов ответил разгромом Березины. Без преувеличения можно сказать, что полководцев крупнее Петра, Румянцева, Суворова, а позднее Кутузова, Дибича и Скобелева в Европе было немного.

Первую же Мировую мы начали обремененные памятью несчастной японской кампании и неудачным вторжением в Пруссию для спасения Парижа; это отразилось на всем дальнейшем ходе войны. А когда мы встали на ноги, пришла "керенщина" и, как результат развала, Брест-Литовское перемирие и гражданская война. Все эти последние события ясно показали, что мы *ушли от традиционной науки и забыли наше славное историческое прошлое*. Шаблон устава, трафарет мышления мы вводили в норму нашего обучения и верили в иностранную систему тактики. Отрвались от того, что водило нас к победам. История этого не любит. Она кровью воздает возмездие. И мы дорого заплатили за грехи государственной стратегии. Но не мы одни. Сегодня многие великие нации тяжело платят за забвение аксиом войны и заповедей морали.

Но несмотря на все, мы можем глубоко верить в наше историческое будущее. Это так, ибо иначе, не распространилось бы Государство Российское от Буга до Владивостока.

Ген. ХОЛЬМСТОН

КИРПИЧИ ВАВИЛОНСКОГО СТОЛПОТВОРЕНИЯ

РОБОТЫ

В то время, когда жизнь создает ошибочные картины полностью пустые, В то время, когда время течет И звезды грустно кружатся на небе, Люди не могут не смеяться...

(Стихотворение № 27
компьютера РТЗА-301.)

В 1960 году с трибуны Союза Писателей РСФСР были прочтены стихи... но не назван автор. На неизвестного поэта, как на бедного Макара, полетели все шишки беспощадной социалистической критики. Его обвинили в буржуазном декадентстве. И было за что: стихотворение огораживало такими умопомрачительными метафорами, которых не изобрел бы сам Жак Превьер! Там, в поэме шахматы слепленные из мышьяка разбедали нейроны мышления и... неведомые галактики и черные дыры мерцали в зрачках любимой женщины.

Однако, когда критика утихла, было объявлено, что стихотворение написано счетно-электронной машиной! Дружный хохот потряс залу совещания. Смеялись люди над машиной, смеялись люди, сознающие свое превосходство над машинным "творчеством".

Но задумаемся и спросим себя:

поэты и прозаики принадлежащие к школе соцреализма не сведены ли к роли тех же самых роботов, достойных осмеяния? Возьмем конкретные примеры. По поводу смерти Сталина "Правда" 7 марта 1953 опубликовала строки:

В этот час величайшей печали
Я тех слов не найду,
Чтоб они до конца выражали
Всенародную нашу беду.
Всенародную нашу потерю,
О которой мы плачем сейчас.

Это стихотворение было написано роботом или человеком? К сожалению, человеком, но запрограммированным восхвалять Сталина: Александр Твардовский льющий слезы о всенародной потере, как хорошо действующий автомат, убрал из своей души и совести память о всенародных кровавых чистках организованных Иосифом Джугашвили.

Еще грубее и механичнее отбарбанил на ту же тему К. Симонов:

Нет слов таких, чтобы ими передать
Всю нестерпимость боли и печали
Нет слов таких, чтоб ими рассказать,
Как мы скорбим по вас, товарищ.

Сталин!

И наш железный Сталинский ЦеКэ,
Которому народ вы поручили,

К победе коммунизма на века
Нас поведет вперед, — как вы учили!

Ну чем не образец машинного "творчества"? Включительно до зашклененных глагольных рифм: поручили — учили; все подтверждает надежность и доброкачественность того соцреалистического робота, каким и являлся, в сущности, Симонов.

Познакомимся еще с одним образцом лизания сталинских сапог. Образец в прозе, и принадлежит он Михаилу Шолохову: "... со дня смерти Ленина еще не постигала человечество столь тяжкая, безмерно тяжкая утрата... Человечнейший из людей, он любил только мужественных, а не слабых... Отец, прощай! Прощай, родной и до последнего нашего вздоха любимый отец! ... низко кланяемся и по-сыновьи целуем тебя, провожая в последний путь..."

Пожалуй, не всякая хитрая механика компьютера смогла бы повторить то, что сочинил Нобелевский лауреат плагиатор Михаил Шолохов, распластавшись в подхалимаже.

Кроме упомянутых роботов, существуют еще и такие, которые отвечают на заданные вопросы, извлекая из своей электронной памяти, крылатые фразы. Если бы такому "эрудиту" задать вопрос, что он думает о творцах соцреализма, то скорее всего автомат повторил бы конец пушкинской эпиграммы:

Льстецы, льстецы! Старайтесь сохранить
И в подлости осанку благородства.

АНАТОЛИЙ БОР

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

КРЕЩЕНИЕ БЕГЛЯНКИ

Нам пишут из Нью Йорка:

В принадлежащем Российской Зарубежной Церкви храме Знамения Божией Матери было совершено таинство крещения скрипачки Виктории Мулловой, недавно бежавшей из СССР. Она не была крещена при рождении в России, но, оказавшись на свободе, она пожелала приобщиться к вере своих предков.

При обряде крещения присутствовал бежавший вместе с Мулловой В. Жордания, бывший дирижер Харьковского симфонического оркестра.

В 1980 году Виктория Муллова заняла первое место на конкурсе скрипачей имени Сибелиуса в Хельсинки. Она также вышла на одно из первых мест на московском конкурсе имени Чайковского в 1982 году.

Ч и т а й т е

в следующем номере:

ВЛАДИМИР РУДИНСКИЙ
"ДВЕ МЕРЫ, ДВА ВЕСА"

БОРИС КОВЕРДА

ШЕСТЬ ВЫСТРЕЛОВ

Настоящая запись является свидетельским показанием с целью восстановить обстоятельства и подробности дела, в котором мне пришлось быть главным участником — совершено 7 июня 1927 г. в Варшаве покушения на советского посла Войкова. Вокруг этого дела возник ряд легенд и предположений, в большинстве случаев не соответствовавших действительности или дававших неполную или одностороннюю картину происшедшего. Я воздерживался от опровержения или дополнения появлявшихся в печати сведений, хотя уже по освобождении, в беседах с друзьями, не скрывал подробностей дела. Считаю, однако, что картина происшедшего и действительное положение вещей должны быть известны историкам, который коснется этого дела. Кроме того, считаю, что не надлежит умалчивать об участии в деле других лиц. Эти соображения и побудили меня составить настоящую запись.

В предшествовавшие покушению годы я, будучи учеником сначала белорусской, а затем русской гимназии в Вильне, одновременно служил в издаваемой доктором Арсением Васильевичем Павлюкевичем еженедельной газете "Белорусское слово", антикоммунистического направления. Я заведовал конторой, одновременно выполняя обязанности корректора, выпускающего и переводчика на белорусский язык. До перехода в русскую гимназию, до 6 класса, я учился в белорусской гимназии и хорошо знаю белорусский язык. Поэтому на мне лежала также обязанность "выправки" идущего в газету материала. Павлюкевич был решительным антикоммунистом, и меня с ним связывали не только служебные, но и дружеские отношения.

В это же время у меня возникли связи и знакомства с представителями русских антибольшевистских кругов в Вильне. В частности, у меня наладились дружеские отношения с проживавшим в то время в Вильне есаулом Михаилом Ильичем Яковлевым, бывшим в годы гражданской войны командиром так называемого "Волчанского отряда", сначала действовавшего на Юге России, а в 1920 г. на польском фронте. Яковлев издавал в Вильне русскую еженедельную газету "Новая Россия".

В середине 20-х годов русская белая эмиграция еще рассчитывала на возможность возобновления вооруженной борьбы с коммунистической властью в России. В активной и непримиримой по отношению к большевизму части эмиграции возникали разнообразные проекты и планы продолжения борьбы, существовало убеждение в целесообразности ведения антибольшевистской террористической деятельности. Вопрос продолжения борьбы любыми средствами часто поднимался и в моих беседах с Павлюкевичем и Яковлевым. Оба хорошо знали один о другом. Но они до того не сотрудничали и ограничивались шапочным знакомством.

Возможно, что происходившие между мной и названными лицами разговоры не имели бы для меня лично последствий, если бы не то, что на должность советского посла в Варшаве был назначен Войков, известный большевик, проехавший в

свое время через Германию в "запломбированном" вагоне, вместе с Лениным, и роль которого в убийстве царской семьи и последующем уничтожении тел убитых была известна из книги Соколова и других источников. Об этом писалось и в польских газетах в связи с назначением Войкова в Варшаву. Тем не менее польское правительство согласилось принять Войкова в качестве советского посла или, как тогда говорилось, полпреда в Варшаве.

Мысль о возможности покушения на Войкова поднималась в моих беседах с Павлюкевичем и Яковлевым все чаще и чаще, и в конце концов, к началу 1927 г., я выразил желание совершить это покушение. Павлюкевич согласился предоставить необходимые средства, а Яковлев должен был оказать содействие в организации покушения.

Первоначально возникла мысль осведомить о подготовке покушения проживавшего в то время в Варшаве писателя М. И. Арцыбашева, автора статей, напечатанных в издаваемой Д. В. Философовым газете "За свободу" и затем вошедших в сборник под названием "Записки писателя". Позже такое намерение показалось мне не имеющим смысла, так как его осуществление могло иметь нежелательные последствия и усложнить дело. В первой половине 1927 г. Арцыбашев умер, и поэтому намерение в какой-то степени посвятить его или вовлечь в подготовку покушения не было осуществлено.

Павлюкевич располагал ограниченными средствами. Поэтому на многое с его стороны нельзя было рассчитывать. О надлежащей подготовке покушения, т. е. организации слежки за Войковым, его выездами, передвижениями и т. п. (как то делалось в дореволюционную эпоху при подготовке покушений на царских министров и многих других сановников, ставших мишенью для революционеров, когда в некоторых случаях в подготовке и осуществлении покушений участвовали большие группы лиц) из-за недостатка средств не могло быть и речи, и фактически никакой предварительной подготовки к покушению на Войкова не могло быть. Правда, вначале предполагалось привлечь к участию в покушении и других лиц. Выбор пал на двух моих хороших знакомых, известных мне своими национальными убеждениями. Но по разным причинам ничего из этого не получилось.

Предварительной разведкой должен был заняться уезжавший на службу в Варшаву бывший чин Волчанского отряда Константин Шипчинский. Ему было поручено узнать, по мере возможности, об образе жизни Войкова, его передвижениях и т. п. Основной задачей было установить, где Войкова можно встретить и приблизиться к нему. В начале мая Шипчинский выехал в Варшаву, получив на расходы данные Павлюкевичем 200 злотых.

Вскоре Яковлев передал мне пистолет и патроны к нему. Было установлено, что после покушения я буду говорить, что купил пистолет у служащего типографии в Вильне Юдицкого, бывшего членом польской организации допризывной подготовки.

22 мая я выехал в Варшаву, тогда имея в кармане 200 злотых от Павлюкевича и немного своих денег. В Варшаве остановился на одни сутки в отеле "Астория" на Хмельной улице. На следующий день встретился в условном месте с Шипчинским, и он меня устроил на квартиру на улице Бугай, № 26.

Оказалось, что Шипчинский ничего не разузнал и не установил. Его дальнейшее "участие" в подготовке покушения выразилось лишь в том, что он провел меня к зданию советского посольства на Познанской улице. Притом, по желанию Шипчинского, "по конспиративным соображениям", мы шли к посольству не рядом, а в 40-50 шагах один от другого.

Конечно, я был разочарован, увидев, что ничего не сделано и, признав, у меня возникло сомнение в возможности встречи Войкова, так как имевшихся денег могло хватить лишь на 10-12 дней пребывания в Варшаве, и, кроме того, мне вообще нельзя было продолжительно отсутствовать, так как моя семья не имела понятия, где я нахожусь, да и жда-

ли меня некоторые дела. Не рассчитывая больше на помощь Шипчинского, я решил самостоятельно "произвести разведку" и искать возможности встретить Войкова. Я не видел для этого иной возможности, как самому побывать в посольстве или консульстве.

На третий день пребывания в Варшаве я пришел в консульство и "начал хлопоты" о предоставлении мне въездной визы в СССР. Это был благовидный предлог для посещения консульства. В здании посольства были два входа — один в посольские помещения, другой в консульскую канцелярию, куда я и направился. В небольшом вестибюле, перед входом в приемную, находилась изолированная кабинка с окошечком, вроде билетной кассы. Сидящий в ней чиновник опрашивал посетителя и затем, нажимая кнопку, открывал дверь приемной или выходную, автоматически затем закрывавшуюся. Без всяких затруднений чиновник пропустил меня в приемную.

Это было узкое продолговатое помещение со столом посередине, во

всю его длину. За столом на стульях довольно тесно сидело около двух десятков посетителей, заполнявших бумаги, ожидавших вызова или просматривавших лежащие на столе советские газеты. У открытой двери, ведущей во внутренние помещения, находился столик. Стоявший за ним чиновник давал справки, выдавал бланки, вызывал посетителей и т. п. Я сказал ему о желании выехать в СССР, получил от него соответствующие бланки и анкеты и, найдя место за столом, уселся для их заполнения. Просидел так около часа, наблюдая за обстановкой. Затем поднялся и, подойдя к чиновнику, сказал, что окончательно заполню анкеты дома и принесу их в следующий раз. Всего, подыскивая благовидный предлог, я побывал в консульстве четыре раза.

Из разговоров с чиновником выяснилось, что шансов на получение визы в СССР, "для получения там образования" или "устройства на работу" — нет. Мне вернули мои заполненные анкеты, и дальнейшая возможность посещения консульства оборвалась, так как могли возникнуть подозрения.

Конечно, ничего интересующего меня я не узнал. Тем не менее, посещения консульства сыграли важную роль в дальнейшем ходе дела. Во время одного из таких посещений, когда я, как обычно, сидел за столом и делал вид, что возжусь с моими анкетами, в ведущей из внутренних помещений двери вдруг появился Войков, взглянул на сидящих в приемной, положил руку на плечо дающего справки чиновника и увел его внутрь.

С наружностью Войкова я был знаком по фотографиям в газетах и журналах. Самым важным для меня был снимок в журнале "Святовид", где Войков, в числе других членов дипломатического корпуса в Варшаве, был изображен во весь рост на каком-то приеме у Пилсудского. Появление Войкова на один момент в дверях консульской приемной было для меня полной неожиданностью, и поэтому не могло быть и речи о том, чтобы я успел подняться, выйти из-за стола и приблизиться к нему. Но Войков, если можно так выразиться, представился мне и в дальнейшем, когда я увидел его на варшавском вокзале, у меня не было сомнений, что это именно он. А там, забегаю вперед, отмечу, что не все сложилось так, как я ожидал и предполагал.

Итак, мои посещения консульства прекратились. Правда, я попробовал посетить также торгпредство, находившееся в другом месте, на Маршалковской улице, и посидеть в его приемной. Но очень скоро мне предложили отсюда уйти, так как никакого серьезного предложения, оправдывающего мое там присутствие, я не мог придумать. Между тем, мои деньги были на исходе, и дальнейшее пребывание в Варшаве стало мне казаться бесперспективным.

В Варшаве я каждый день просматривал несколько польских газет и русскую "За свободу". И вот 3 июня, когда я уже думал об отъезде, в вечерней газете "Курьер червоны" с датой последующего дня я натолкнулся на краткое сообщение о том, что "советский посол Войков сегодня или завтра выезжает в Москву". Мне стало ясно, что если Войков выезжает в Москву, то это мой единственный и последний шанс встречи с

ОРЕЛ...

Сам Николай любовь к алкоголю унаследовал от отца. Десятки знавших его людей отмечали в своих воспоминаниях эту пагубную страсть. К концу царствования дело зашло так далеко, что его почти не видели трезвым, что крайне тревожило царственную супругу.

М. К. Касвинов
"23 ступени вниз"
Москва, 1978
стр. 8

Сразу же я отправился на вокзал, чтобы узнать когда и какие поезда уходят в московском направлении. Поезд уходил в Москву в 9.55 утра. Начиная с 4 июня я стал приходить на вокзал за час до отхода московского поезда. Сначала я болтался около выходов на перрон, а затем, заблаговременно запасшись перронным билетом, минут за двадцать до отхода поезда сам выходил на перрон и прохаживался вдоль московского поезда.

Так прошло три дня — 4, 5 и 6 июня. К 7 июня мои деньги иссякали. Кроме того, у меня возникло сомнение: либо я не заметил и пропустил Войкова, либо он садился в поезд не в Варшаву, а на какой-нибудь другой станции. Я решил последний раз прийти на вокзал 7 июня и затем возвращаться домой, в Вильну.

В этот день, почти сразу по моему приходе на вокзал, случилось нечто, сбившее меня с толку. Минут за 50 до отхода московского поезда я увидел Войкова, но не направлявшегося на перрон к поезду, а идущего с перрона в вокзальное помещение в обществе какого-то другого лица. На Войкове был котелок, и он был в зеленом весеннем пальто. Случившееся не соответствовало моим ожиданиям, и я растерялся. Я пытался убедить себя, что за Войкова принял какого-то приехавшего пассажира. После краткого момента колебаний я прошел в вокзальное помещение, куда направились потерянные мною из виду Войков и его спутник. Я волновался, спешил и не зашел в вокзальный ресторан, где они в это время были. Не найдя Войкова, я поспешил обратно, вышел на перрон и стал прохаживаться вдоль поезда, как и в предыдущие три дня. Я старался держаться ближе к выходу, чтобы встретить Войкова до того, как он успеет войти в вагон. И незадолго до отхода поезда я снова увидел Войкова вместе с другим, уже виденным мною лицом, с которым перед тем он вышел с перрона. Они, разговаривая, медленно шли вдоль поезда.

Позже, уже в ходе следствия, выяснилось, что Войков не собирался ехать в Москву. Я же так никогда и не узнал, откуда в газете появилась приведшая меня на вокзал фатальная для него заметка. Оказалось, что ранним утром 7 июня он получил из Берлина телеграмму от едущего из Лондона советского представителя Аркадия Розенгольца, выдворенного из Англии после разгрома советского

торгового представительства, носившего название "Аркос": Войков пришел на вокзал, чтобы встретить проезжавшего через Варшаву Розенгольца. Он пришел к приходу Берлинского поезда, встретил Розенгольца, и они отправились пить кофе в вокзальный ресторан. Поэтому я в первый раз увидел Войкова не идущим на перрон, а выходящего с него.

Таким образом, моя встреча с Войковым на варшавском вокзале, хотя я ее и искал, была совершенной случайностью. Был тут какой-то фатум. Ведь даже если бы Розенголец проезжал через Варшаву днем позже, то покушения не было бы. Деньги у меня, как я уже упомянул, иссякли. На покупку перронного билета я израсходовал последние бывшие у меня 20 грошей. В приведшей меня на вокзал газетной заметке было сказано, что "Войков выезжает сегодня или завтра". Между тем, со времени появления этой заметки пошел уже четвертый день.

Я пошел навстречу Войкову, вынул из кармана пистолет и начал стрелять. Войков резко бросился назад, а я пробежал несколько шагов за ним, стреляя ему след, пока не выпустил все находившиеся в пистолете шесть пуль. Как позже было установлено, в Войкова попали две пули. Войков же, пробежав несколько шагов, прислонился к вагону и начал отстреливаться. Розенголец прыгнул с перрона на путь между двумя вагонами и остался у меня позади. Отмечу еще, что у меня было предположение, что уезжавшего в Москву Войкова может провожать кто-то из польского министерства иностранных дел, и я, увидев Розенгольца вместе с Войковым, подумал, что это именно и есть представитель министерства.

На перроне во время покушения было мало публики, и ко мне и Войкову быстро подбежали полицейские. Меня схватили, а Войков опустился на перрон. Один из арестовавших меня полицейских спросил в кого я стрелял. Я ответил, что в советского посла. Полицейский тут же сказал: "Жаль, что не в Троцкого". Из окна одного из вагонов раздался враждебный по моему адресу выкрик. Возможно, что кричало сопровождавшее Розенгольца в поезде лицо.

Меня привели в вокзальный полицейский участок. Сюда же принесли и положили на пол раненного Войкова. С него сорвали рубашку. Очень скоро его увезли. Сразу же в помещении появился Розенголец, бросивший на стол свою визитную карточку. В участке началась суматоха. Стали появляться разные лица. Одно из них стало кричать на меня, спрашивая, зачем я это сделал. Я ответил, что действовал в интересах моего отечества. Спрашивавший заявил, что это "медвежья услуга". Позже я узнал, что это был Сухенек-Сухецкий, начальник отдела безопасности в министерстве внутренних дел.

Очень скоро явился следователь и стал составлять протокол первого допроса. Допрос продолжался более часа. Затем меня посадили в такси, между двумя полицейскими, и в сопровождении второго такси с полицейскими, отвезли в тюрьму "Павьяк" и там отвели в камеру.

Часа через два меня провели в кабинет, в котором находились три лица. Одно из них заявило: "Я судебный следователь Скоржинский, а это прокуроры Рудницкий и Свентковский. Войков умер от нанесенных ему ран, и сейчас нам надлежит выяснить все обстоятельства этого дела". Мне начали задавать вопросы. Одним из первых был — откуда я знал, что Войков приедет на вокзал. Я рассказал как это было, т. е. что прочитал в газете о его предстоящем выезде и после этого каждый день стал приходить на вокзал. На этом допросе Скоржинский протоколов не писал, а лишь делал заметки на листах. Допрос продолжался около двух часов, после чего меня отправили обратно в камеру.

Часа через два-три Скоржинский снова меня вызвал и уже записывал мои показания на машинке в протокол, давая подписывать каждый лист. Скоржинский допрашивал и записывал не спеша и отпустил меня часа через три, уже поздней ночью. Допрос и дальнейшее составление протокола продолжались еще полных два дня, с небольшими перерывами. Я должен был рассказать все о себе, о родственниках и знакомых, по возможности описать дни моего пребывания в Варшаве и мое времяпрепровождение, рассказать о мотивах покушения, подготовке к его совершению и сопровождающих обстоятельствах. Я придерживался схемы, ранее установленной и обдуманной, т. е. сообщников у меня нет, никто о моем намерении совершить покушение не знал, основной причиной, побудившей меня стрелять в Войкова, было намерение отомстить за причиненные России коммунистическим режимом бедствия, а Войков был активным деятелем этого режима.

13 июня меня отвезли в суд и привели в кабинет председателя окружного суда Гуминского, вручившего мне обвинительный акт и сообщившего, что дело будет рассматриваться в чрезвычайном, ускоренном порядке.

Как известно, по окончании следствия судебными властями был поставлен на разрешение вопрос о том, в каком порядке будет происходить судебное рассмотрение дела — чрезвычайном или обычном. В то время в Польше вошел в силу декрет о возможности чрезвычайного судопроизводства по отношению к виновным в совершении некоторых видов преступлений, в том числе и направленных против государственных служащих. Войков, поскольку он был аккредитован при польском правительстве был формально приравнен к государственным служащим. Судебные власти располагали в этом отношении свободой выбора и обычно руководствовались указаниями правительства. Было решено предать меня чрезвычайному суду. Думаю, что так было сделано по распоряжению центральных властей, опасавшихся, что рассмотрение дела в обычном порядке окружным судом затянется и расширит его, а это было нежелательно по ряду соображений. Польское правительство стремилось в кратчайший срок покончить с этим в высшей степени неприятным для него делом, могущим осложнить польско-советские отношения, в то

... И РЕШКА

Вопреки распространенному мнению, Николай пил мало. За столом спиртных напитков почти не употреблял (мог выпить за обедом одну-две рюмки сливовицы или водки, в Ставке по вечерам выпивал стакан французского сухого вина "Рафаэль"). Курил временами понемногу.

М. К. Касвинов
"23 ступени вниз"
Москва 1978
стр. 129

время как Польша стремилась к тому, чтобы они были добрососедскими.

Определенно думаю, что и советскому правительству не были желательны расширение дела и новые возможные осложнения, так как после разгрома "Аркоса" и других одновременно происшедших событий, например, в Китае, возникла обстановка, благоприятствовавшая "новым авантюрам", которые были Москве крайне нежелательны. Кроме того, у Москвы несомненно было опасение, что может произойти повторение "дела Конради", застрелившего в Швейцарии за несколько лет до того советского деятеля и дипломата Воровского. Судебное разбирательство этого дела продолжалось несколько дней и фактически явилось рассмотрением дела не столько самого Конради, сколько коммунистических злодеяний в России.

Думаю поэтому, что ускорение в рассмотрении моего дела произошло в результате негласного соглашения польского и советского правительств. И Москве, и Варшаве расширение дела не было выгодно. Оба правительства желали скорейшего исчерпания этого "инцидента". Поэтому процесс оказался скромным, продолжался всего один день, и многие вопросы были вообще обойдены. Это относится и к официальному протоколу судебного заседания. В газетных отчетах о процессе можно найти значительно больше того, что имелось в записи судебного секретаря.

Заканчивая эту часть моей записи, хочу прибавить, что названные в ней А. В. Павлюкевич и М. И. Яковлев погибли при трагических обстоятельствах. Яковлев, принимавший участие в обороне Варшавы от немцев в 1939 г., в качестве начальника штаба в кавалерийском подразделении ген. Булак-Булаховича был арестован летом 1940 г. и отправлен в концентрационный лагерь Освенцим. Там, при невыясненных обстоятельствах он погиб в апреле 1941 г. Павлюкевич участвовал в движении сопротивления в Варшаве, был арестован немцами и расстрелян.

Незавидной оказалась участь присутствовавшего при покушении на Войкова большевика Розенгольца. Он был одним из обвиняемых на московских процессах 1937 года и расстрелян.

БОРИС КОВЕРДА